

Я вернулся с войны постаревшим на годы

Сергей ГОВОРУХИН – документалист, писатель, глава Фонда помощи ветеранам войны в Афганистане, Таджикистане и Чечне, член Комиссии по правам человека при Президенте РФ с 2002 года. Участвовал в боевых операциях, награжден орденом мужества и несколькими правительственными наградами. В качестве военного корреспондента работал в зонах боевых действий в Таджикистане, Чечне, Афганистане и Югославии. Участвовал в 30 боевых и 3 спецоперациях. В 1995 году был тяжело ранен в Чечне.

– Сергей, не погрешив против истины, можно сказать, что вы постоянно находитесь на виду – пишете книги, которые читают, снимаете кино, которое смотрят. Отстаиваете, наконец, то, что считаете нужным отстаивать. Все правильно?

– Думаю, все не так замечательно. Обо мне как будто все знают, есть, мол, такой писатель, такой режиссер. Но толком моих фильмов никто не видел, а книг никто не читал, хотя они существуют в природе, на кассетах, в печатном виде. Но в подобном положении не я один. Сейчас можно говорить о ситуации, когда ни литература, ни кинематограф, ни театр особенно не востребованы, никому так уж сильно не интересны.

– Но, может быть, дело не в востребованности или невостребованности, а в том, что общество намеренно закрывается от неразрешимых, больших проблем, которым несть числа, от той горечи, которой пронизано многое из того, на что вы хотите обратить внимание? Тем более что речь вы нередко ведете о современной войне и ее людях, которые, выполнив свой долг, потом нередко бросаются государством на произвол судьбы.

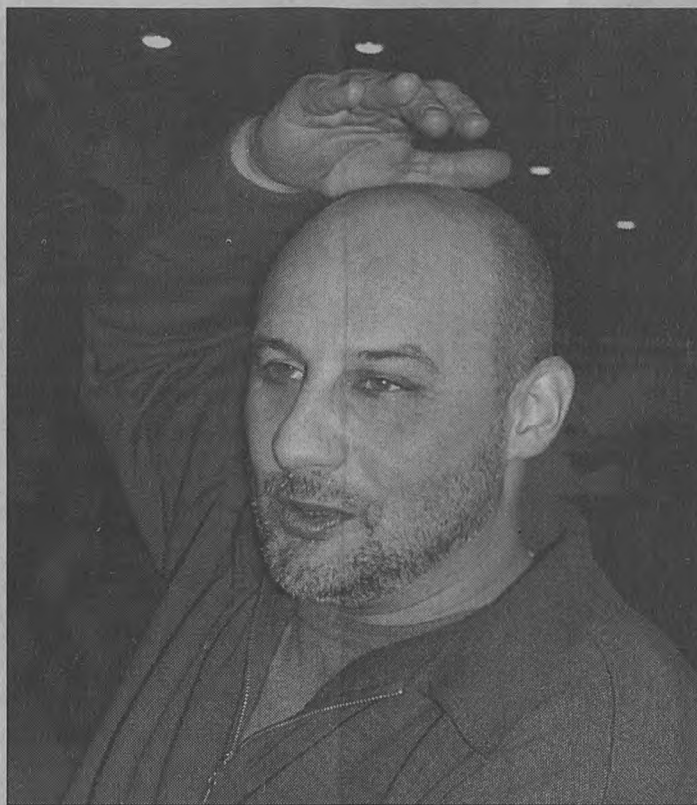
– Не думаю, что это так. О какой нынешней беде рассказывает Андрей Осипов в "Страстях по Марине", которые вроде бы о прошлом? Ведь он же не проводит параллелей между тем, что происходит ныне, и тем, что погубило когда-то Цветаеву. Но разве и его картину назовешь востребованной? Да, Андрей – успешный, фестивальный человек, но не ради успешности он делает свои замечательные картины.

– Подозреваю, что, отправляясь на войну, вы тоже меньше всего думали о будущей успешности?

– Давайте сразу уточним: во-первых, я был военным корреспондентом, а, во-вторых, всегда работал на себя – собирал материалы для своих фильмов. А то, что приходилось участвовать в каких-то событиях, так это обстоятельства.

– Тем не менее эти обстоятельства были связаны с защитой Отечества...

– Все дело в том, что обычно государство защищает себя от внешнего

С. Говорухин

агрессора, а в настоящее время страна уже давно втянута в разные этнические, национальные и религиозные боины. Не думаю, что это имеет какое-то отношение к защите Отечества. Я никогда не причислял себя к его защитникам и своей единственной обязанностью считаю только выполнение того, что умею делать, и делать, возможно, неплохо, – снимать кино, писать... Однако я могу найти деньги и снять кино, могу написать прозу и выпустить книгу, но ведь в результате все это, повторяю, оказывается невостребованным, вот в чем суть. Но наверняка же это кому-то надо – вам, мне, тем, кто подходить сказать какие-то слова или пожать руку, многим, кому все это безразлично. Остались же еще в стране нравственность и совесть.

– Вероятно, можно приобретать единомышленников, но не секрет, что сложнее всего их находить среди тех, кому по должности положено решать проблемы, которые всех волнуют.

– Если вы про власть, то она у нас уже давно ничего не решает, кроме того, что выгодно ей самой. Опять же какая связь между властью и теми, кто плохо делает работу на своем месте? Что, власть в этом виновата, если люди, например, не могут и не имеют права снимать кино? Путин, или правительство, или Госдума виноваты, что эти люди даже не представляют, из чего кино сшивается? Есть, в

конце концов, ответственность каждого за то, что происходит в стране, за ее судьбу. Люди вообще предпочитают ни на секунду не задумываться о своей подотчетности перед временем, историей. Снял, поглывшая, кино – и ладно. А не понравится вам – вот, понимаешь, проблема великая, кому-то другому понравится... Когда кто-то из уважаемых мною людей смотрит мое кино, мне становится не по себе, страшно, начинаю сомневаться, сделанное представляется чудовищным. Нельзя без чувства неуверенности, теряешь его – и все, на тебе, я – мессия, снял, а вы извольте-ка посмотреть.

– Помните день, когда повзрослели?

– Наверное, это случилось на войне, когда понял, что существуют какие-то доселе мне неизвестные, но достаточно простые вещи, с которыми придется иметь дело лично. Здесь и сейчас, и никто не придет, не поможет. Из первой своей командировки в так называемую горячую точку я вернулся мужчиной, хотя мне было тогда уже 33 года. У уходил-то не мальчиком, и решение отправиться в зону боевых действий было осознанным. Но вернулся постаревшим на много лет...

Когда-то Великая Отечественная была общей бедой, и Победа тогда была тоже общей. А теперь, побывав на нынешней войне, мы потом собираемся вместе, и все скупое, аскетич-

но, без слез, только думая об ушедших, сердце рвет.

В остальном же... Намеренно говорю об идиотском, смешном, чего-то же было предостаточно. И на публичных встречах никогда ничего леденящего душу не рассказываю. Считаю величайшим цинизмом и святотатством снимать фильмы о чеченской войне. Потому что она еще не кончилась. Потому что если считаешь, что обязан это сделать, то купи билет и слетай туда, посмотри, как это происходит на самом деле. Пусть ненадолго, но тогда получишь на это право. Но ведь ни один, кто снимает игровые подделки на эту тему, границы Чеченской Республики не переступал. У меня вообще создается впечатление, что больше всего эта война нужна кинематографистам. Чтобы потом фантазировать. Вот снял Валерий Тодоровский картину "Мой сводный брат Франкенштейн" – крепко, профессионально, но ведь все фальшь, ложь, придумано от первого до последнего слова. И притчей там не пахнет, потому что вранье. Наши воспоминания от кинематографического взгляда существенно отличаются.

– А сами, когда все уляжется, не возьметесь?

– Это мне совершенно не грозит. Тут часть моей жизни, и пусть живет во мне, проявляется в прозе, но эксплуатировать эту тему не собирался никогда. Я снял "Прокляты и забыты", и к ним добавив больше нечего – ни через 5, ни через 10 лет. Не потому, что фильм такой уж выдающийся, а потому, что, когда его делал, не ориентировался на реалии сегодняшнего дня. Вместе с Инной Ваняевой мы снимали об ужасе обыденности, о том, к чему нормальному человеку привыкнуть невозможно.

– Не попади вы однажды на войну, были бы другим?

– Нет, конечно, просто все произошло бы сложнее, позже. Тогда я только подбирался к ощущению литературы, кино, занимался чем-то неважным, второстепенным, и мелочи отрывали от того, к чему Господь вместе со всеми меня предназначал, зачем на землю послал.

– Но, получается, ничего, кроме горечи разочарования, от того времени в памяти не осталось?

– Никакого разочарования, собственно говоря, тоже не было. Я снял картину о современной войне. В масштабах того, что пока сделал, это только одна составляющая, десятая часть целого. Но теперь у меня почему-то репутация военного режиссера. Я уже отказываюсь от интервью, не хожу на телевидение, потому что когда интересуюсь, о чем пойдет речь, то выясняется, что, к примеру, о призыве в армию. Какая связь между мной и призывом? И потом, при чем здесь разочарование? Я не отношу себя к мудрецам, но и глупым не считаю.

Прекрасно отдавал себе отчет, что происходило тогда вокруг. Важнее было думать о насыщении собственной сердечной мышцы, а не о том, что все вокруг уроды, а прав я один.

– Кто в вас возник раньше – прозаик или кинематографист?

– Конечно, прозаик. Писать я начал в 16 лет, и это всегда было при мне. Начиная со странного жанра миниатюры – коротко, емко, что-то простое, обыденное вдруг рождало образ. Сейчас стало сложнее, мы же матереем, теперь важнее форма, чтобы крупнее, эпохальнее – повести, романы. А дар наблюдения не то чтобы исчез, но притулился существенно. Меня всегда интересовала жизнь с отношениями людей, противоречиями, а внешняя атрибутика не волновала. И прямолинейностью, надеюсь, не грешу. Кино, как и литература, привлекает неуловимостью, только очень немногие знают, как здесь что-то связать, выпатчить.

– Легко ли жить, исходя из принципов?

– Мне так комфортно. Я достаточно мягкий и доброжелательный человек, а раз мне комфортно в том, что задаваешь, что отстаиваю, то не тянет пойти и снять сериал, хотя мне это предлагают. Но понимаю, что не могу до этого опуститься. И тот же Осипов не может. Категории другие. И деньги тут для меня не имеют принципиального значения, знаю, как их заработать по-другому. Так что живу в согласии с собой. И ни разу не пошел в искусстве ни на один компромисс, это, возможно, единственное, за что себя уважаю. И не пошел не из боязни потерять уважение к себе, какой-то внутренний барьер мешал.

– Легко говорить о бескомпромиссности. Кино теперь на полку не кладут и книжечек не запрещают. Вы-то этого не знали, как ваши коллеги лет 30 назад.

– Не уверен, что этого и другим досталось, потому что во все эти воспоминания не сильно верю. Что мне показали, когда рухнули ушедшие времена? Что я прочел такого? Можно поблагодарить судьбу, что узнал Шаламова или "Жизнь и судьбу" Гроссмана, что увидел "Проверку на дорогах". А что еще-то? Чего еще к тому времени не видел каким-то образом или не читал? Или кто-то теперь отменил политическую цензуру? Как она была, так и осталась. "Проклятых и забытых" за семь с лишним лет так и не сумел показать на Центральном телевидении, что же об отсутствии цензуры говорить? Но тогда у художника была возможность говорить о человеческих отношениях не на уровне перестрелок, эротики и беспробудных криминальных разборок – всего того, что являет сегодняшний день и во что продюсеры предпочитают вкладывать деньги. Раньше ты мог что-то доказать или не доказать

редактору в зависимости от собственной убежденности, а сейчас общаешься с экономистом, а экономисту художник никогда и ничего не мог доказать.

– По закону жанра я сейчас просто обязан спросить о каком-то счастливом дне вашей жизни.

– Не знаю... У меня даже когда-то рассказ был такой "Самый счастливый день". В книгу я его, правда, не включил, но был он о том, как из каких-то мелочей, казалось бы, не очень существенных, вдруг сложился замечательный день, хотя было понятно, что назавтра опять начнется эта проклятая жизнь.

– Есть фильмы, книжки, одна с очень личным названием "Никто, кроме нас..." А к чему подступаетесь?

– Подступаюсь к роману. Это не из желания творческого роста, просто одни рамки стали уже тесны, хочется выбраться из рамок документального кино, из рамок рассказа, потому что знаешь, что сказать можешь больше. Знаешь, о чем сказать, но формат не позволяет. Я ведь как свою первую повесть писал? В 93-м году мне сон приснился, был он волшебным и вместе с тем достаточно реалистичным. Бросился писать рассказ, но что-то отвлекло, и этим все кончилось, вернее, отложилось. Через год я понял, что писать столько времени один рассказ просто нелепо. Пусть будет повесть, а то получается неприлично. Мучил я ее, мучил и в результате написал только в 2003 году. Странно, я все про нее понимал что и как, но что-то не шло и не шло, а потом все в один присест написал. По ней и хочу теперь снять игровую картину.

– Про одного хорошего поэта рассказывают, что он когда-то другому поэту бил морду за то, что тот писал плохие стихи. Сегодня подобное возможно?

– Думаю, что теперь все может быть только наоборот – тебе набьют, чтобы не слыл белой вороной. 20 лет назад мы рефлексировали, рвали на себе рубахи, кричали: как такое можно писать и снимать, а теперь такое пишут все, и снимают, и малоют, и никого это по большому счету не задает. Но если государство не может сейчас предложить своим гражданам никакой идеологии, кроме собственной, то о чем говорить? Хорошо, мы еще успели зацепить какие-то нравственные основы, а что делать тем, кому 15 или 20? Не знаю, пусть это будет странная, противоречивая, не знаю какая идеология, но она должна быть, иначе само время обесценивается, растворяется непонятно в чем.